

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСКОЙ ПОЗИЦИИ В «ПОВЕСТИ О ДРАКУЛЕ»: ЧТО ЗНАЧИТ ЗЛОМУДР?

А. М. РАНЧИН

МГУ им. М. В. Ломоносова / ИНИОН РАН
aranchin@mail.ru

В статье рассматривается авторская позиция в одном из самых оригинальных и загадочных памятников древнерусской литературы – «Повести о Дракуле» (конец XV века), посвященной знаменитому валашскому правителю. Отношение автора к герою трактовалось учеными по-разному: как бесспорное осуждение, как неоднозначная оценка, как апология. В центре внимания – определение валашского властителя *зломудр*. Доказывается, что эта лексема – калька с греческого, традиционно характеризовавшая еретиков – указывает на извращенность ума, на дьявольскую природу деяний Дракулы. В основе его поступков лежат гордыня, упоение жестокостью и стремление подчинить все и всех своей власти. Авторская оценка героя «Повести» должна быть признана однозначно негативной.

Ключевые слова: *«Повесть о Дракуле», авторская позиция, образ героя, «зломудрие» Дракулы и еретики.*

Светлой памяти Михаила Давидовича Амирханяна с благодарностью посвящает автор эту статью.

Созданная в конце XV века «Повесть о Дракуле» – одно из самых интересных и оригинальных произведений древнерусской словесности. Нетривиален образ ее героя – «мунтьянского» (валашского, румынского) воеводы Дракулы, чей исторический прототип – правитель Валахии Влад III. С одной стороны, он могущественный

властитель, не без успеха воевавший за свою землю против иноверной Турции, и носитель суровой справедливости, жестокими карами уничтоживший в стране кражи и разбои; с другой – садист, абсолютно чуждый милосердию и приправляющий творимые казни черным юмором, ради возвращения к власти отрекшийся от православной веры.

В самом начале памятника приводится значение прозвания Дракулы ‘дьявол’ и герою дается определение *зломудр*, ближе к концу текста сообщается об отречении его от православной веры и переходе в католичество, в заключении сообщается об утрате сыновьями после смерти отца прав на валашский престол, что, очевидно, должно восприниматься как Божие наказание за его грехи. Вступление в тексте содержит однозначно негативную оценку героя. Однако его ядро – повествование о деяниях валашского правителя – на первый взгляд лишено такой очевидной семантики, что для древнерусской словесности совсем не характерно. Показательно, что Н.М. Карамзин, одним из первых обративший внимание на «Повесть о Дракуле», заметил: «Дракула <...> представлен гонителем всякой неправды, обманов, воровства и свирепым кровопийцею»; «[и]скоренив злодеев, сей Воевода казнил и за самые малые вины»; «[а]втор мог бы заключить сию сказку прекрасным нравоучением, но не сделал того, оставляя читателям судить о *Философии* Дракулы, который лечил подданных от злодейства, пороков, слабостей, нищеты и болезней одним лекарством: смертию!» [7, с. 230, 231] (курсив в оригинале).

За более чем два века изучения повесть интерпретировалась и как обличение жестокого деспота (С.П. Шевырев [24, с. 115], А.А. Зимин [4, с. 414]), и как частичная апология если не самого персонажа, то методов, им используемых (Я.С. Лурье [15, с. 3–85, особенно с. 56–58; 11, с.229–231; 12, с.107–108, 138, 141; 13, с. 508–509], М.А. Юсим [25, с. 201–203], А.Н. Ужанков [23], М.П. Одесский [14, с. 18], А.В. Каравашкин [7, с. 378–379]), и даже как оправдание Дракулы (А.А. Исаков и В.Ю. Неупокоева [6], О.Н. Талмазан [21; 22]). Автор этих строк относится к сторонникам первой точки зрения; обстоятельный разбор аргументов сторон и подробное обоснование собственной позиции содержатся в моих более ранних статьях [16; 17; 18].

В одной из них я допустил ошибку [16, с. 102–103], доверившись утверждению М.П. Одесского, что лексема *зломудр*, с помощью которой автор «Повести о Дракуле» характеризует своего персонажа, является неологизмом, сочиненным древнерусским книжником. По мнению исследователя, «соблазнительно гипотетически предположить, что <...> русский книжник XV в., прибегая к неологизму “зломудрый” <...> стремился перевести слово “malignus” (ср. румынское прилагательное “malitios”). Контекстуальные реализации этого рокового слова подразумевают компоненты значения, которые принципиально важны для реконструкции представлений о Дракуле его современников. А именно, лукавый, способный на злые выходки, затем – дьявольский, сатанинский (см. “злой дух”, т.е. собственно “Диаволь”) и, наконец, колкий, остроумный. И в самом деле, рассказы о жизни Дракулы изобилуют исполненными черного юмора анекдотами – его жестокими деяниями и мрачно-ироническими афоризмами, т.е. эпитет “зломудрь” – если считать его переводом – эмбрионально содержит в себе основные идеи и композицию русского “Сказания о Дракуле”» [14, с. 12].

Между тем, как указал мне А.А. Наширбанов, за что приношу ему искреннюю благодарность, в одном из словарей древнерусского языка встречается лексема *зломоудрыи*, причем зафиксировано 7 ее употреблений. Значение ее определяется как ‘рассуждающий, мыслящий ложно, в противоречии с догматами веры’. Примеры приводятся исключительно из переводной церковной книжности: «сице зломудрыи нестории повелѣваше» из Рязанской Кормчей книги 1284 года и «такo премѣнимса w(т) зломоудрыхъ члвкъ оучения лъстиваго. и прилѣпимса боносець оцѣ поути» и «w(т) того оутолъстѣють оумъ нашъ плотнымъ и растлѣннымъ смысломя. иже въскормихомъ обычаемъ злымъ. преданиемъ развращенныхъ и зломудрыхъ члвкъ» (оба примера – из «Пандектов» Никона Черногорца); лексема представляет собой кальку с греческого *κακοφρόν* [19, с. 417], в древнегреческом языке означающего ‘злонамеренный, безрассудный, омрачающий ум’. Контекст употребления слова в переводной древнерусской книжности связан с догматами, с их извращением и характеризует еретиков. Контекст

первой из приведенных цитат таков. Перед этим речь идет об учении другого ересиарха, Ария, далее, сразу после «повелѣваше», следует: «тѣмъ ї присно <...> бїю мѣрь марию не бїю дерзаше гл҃блатї н° х̄бородицю» [9, л. 10в], то есть сообщается об отрицании Несторием догмата о богочеловечестве Иисуса Христа, о соединении в его лице двух природ.

Таким образом, традиция употребления лексемы *зломудрыи* побуждает видеть и в ее использовании в «Повести о Дракуле» указание на сходство строя мыслей Дракулы с ересью. Приведем этот фрагмент: «Бысь в Мунтыянской земли греческыя веры христианин воевода именем Дракула влашеским языком, а нашим диавол. Толико зломудр, яко же по имени его, тако и житие его» [15, с. 117, л. 204–204 об.] (текст Древнейшего вида Кирилловской редакции).

Я.С. Лурье понимал определение *зломудр* так: автор «рисовал дьявольское “зломудрие” мутьянского воеводы – сочетание изощренной жестокости с остроумием». По мнению ученого, «сюжет “Повести о Дракуле” <...> неоднозначен – он не может быть сведен к какому-либо определенному выводу или поучению. Дракула совершает бесчисленные злодеяния, сжигает нищих, казнит монахов, женщин, мастеров, прятавших его сокровища, и обедает среди кольев, на которых разлагаются “трупия мертвых человек”. Но он же ведет борьбу с турками, борьбу героическую и несомненно вызывающую одобрение читателя, и погибает в этой борьбе, ненавидит “зло”, уничтожает воровство и устанавливает в своем государстве справедливый и нелицеприятный суд, от которого не могут откупиться ни богатый, ни знатный. <...> ...”Повесть о Дракуле” была не публицистическим, а беллетристическим памятником: автор его не высказывал поэтому своей оценки героя в прямой форме, а рисовал образ этого героя, образ, не подымавшийся до уровня характера, однако обладавший определенной характерностью. Дракула – не абстрактный злодей и уж никак не абстрактный мудрый правитель. Он веселое чудовище, испытывающее свои жертвы, некое подобие сказочного Тома–Тима–Тота или Рюмпельштильца. Необычный с точки зрения традиций житийной или героической воинской

повести, образ Дракулы был зато близок к <...> фигурам переводной беллетристики. Мудр и жесток был Китоврас в “Соломоне и Китоврасе”; теми же свойствами отличался Ихниллат в “Стефаните и Ихниллате”. Самооправдания Дракулы по поводу убийства нищих или казни послов во многом напоминали софизмы Ихниллата во время суда над ним. Сюжет “Повести о Дракуле” принадлежал к типу сюжетов, который мы определили <...> как многозначный. Такое построение сюжета было характерно для многих памятников беллетристики позднего средневековья и Возрождения, авторы которых противопоставляли однозначному феодально-рыцарскому идеалу “протест реальности”» [11, с. 229–231].

Однако, если исходить из принятого употребления слова *зломудр*, и семантику этой лексемы, и авторскую позицию в «Повести о Дракуле» следует понимать совсем иначе. Если злая мысль – частный, отдельный плод ума, то мудрость – постоянное свойство человека. «Злая мудрость» неизменно направляет на совершение зла, на пребывание во зле, под властью дьявола. Но в чем сущность этой «злой мудрости»? Конечно, не в садистской жестокости, не в черном юморе Дракулы – это не более чем ее частные, отдельные проявления. «Злая мудрость» – сатанинская, а грех Сатаны – в высокоумии, в гордыне, в попытке занять в бытии место Бога. В Послании к Римлянам апостола Павла есть слова: «Не превозносись, но бойся» (Рим. 11: 20). В греческом оригинале вместо «не превозносись» употреблен глагол, более точно переводимый на русский язык как «не высокоумствуй», в Вульгате эта фраза звучит так: «*noni altum sapere, sed time*» – «не мудствуй высоко, но бойся». В славянском тексте: «не высоко мудръствуи, но боися» [26, с. 1795]. Как справедливо заметил итальянский историк и антрополог Карло Гинзбург, слово «мудрствовать» у апостола Павла здесь имеет моральное, а не интеллектуальное значение, «предостережение против духовной гордыни» [12, с. 133–134]. Нравственная максима, сформулированная апостолом Павлом, естественно, относится к мотивам-топосам христианской книжности. Осуждение гордыни – один из лейтмотивов Священного Писания. Речение из ветхозаветной Книги Премудрость Иисуса сына Сирахова содержится в одной из самых

ранних восточнославянских рукописей – Изборнике 1076 года: «Не възнеси себе – да не отпадеш, и наведеш на душу свою бештьстие <...>». Здесь же в «Наказании Исихия, пресвитера Иерусалимского» говорится: «Подобаеть быти всякому хрьстьянину сьмѣрену <...>: Бежи величанья, о человекѣ, аште и великъ еси: еда Бога отъмештющта ся, тебе обряштеш? Люби сьмѣрие, аште и великъ еси, да въ днь ськончанья възвышень будеш» [2, с. 444, 438].

Слово *зломудр*, очевидно, было понят далеко не всеми редакторами-переписчиками «Повести». Уваровский вид Румянцевской редакции содержит новое чтение – замену: «злосердит вельми» (чтение одного списка) или «злосерд» (чтения трех списков). Чтение Хохловского вида Румянцевской редакции: «не милостив», Барсовский вид заменяет «зломудр» на «житием злосерд вельми». Сводная редакция содержит чтение «злосерд» [15, с. 162, 172, 159, 179]. Злое (обуреваемое греховными страстями) сердце было для книжников понятнее, чем злой ум. Перевод «жесток и мудр», предложенный О.В. Твороговым [3, с. 461], безусловно неудачен: он разрывает единое понятие-определение на два не зависящих друг от друга. Лучше всего оставить это слово без перевода.

В чем сходство позиции Дракулы с ересью? Дракула притязает на место Господа, считая себя вправе судить всех и вся. Однако функция валашского властителя – исключительно карательная. Людей за их прегрешения карают бесы в аду. Валашский воевода казнит здесь, на земле, причем не всегда справедливо.

В «Повести» сказано: «И толико ненавидя во своей земли зла, яко хто учинит кое зло, татбу, или разбой, или кую лжу, или неправду, той никако не будет жив» [15, с. 118, л. 206об.–207]. Чем объяснить эту ненависть воплощенного зла к злу, творимому другими? Можно предположить, что стремлением к абсолютной, тотальной власти, к полному контролю над своими подданными. Причем смертной казнью караются и грехи (прелюбодеяния женщин) или прегрешения (леность жены, не сшившей мужу новой рубахи), которые, по современному автору «Повести» законодательству, не подлежали уголовному преследованию и тем более лишению жизни.

Дракула не знает милосердия, как не ведают его бесы. Его дьявольская натура проявляется и в создании ситуаций искушения: у «кладезя» он оставляет золотую чашу, из которой могли бы напиться путники, и никто не решается «ту чару взять» [15, с. 118, л. 207] – что это, если не провокация воровства. Возвращая украденный мешок с деньгами иноземному купцу, валашский воевода добавляет одну лишнюю монету, проверяя хозяина денег на честность – и тем самым тоже вводя его в искушение. Двум католическим монахам, пришедшим к нему за милостыней, Дракула показывает «округ двора множество бесчисленное людей на колех и на колесех» и по очереди спрашивает их: «Добро ли тако сътворих, и како ти суть, иже на колии?» [15, с. 119, л. 208]. Причины, по которым были преданы смерти все эти люди, остаются вопрошаемым неизвестными. Чернеца, посчитавшего казненных мучениками, Дракула лишает жизни, а признавшего правоту властителя награждает. Таким образом валашский правитель создает еще одну провокацию. Тем самым Дракула поступает подобно тем, о ком сурово высказался Христос: «а кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской. Горе миру от соблазнов, ибо надобно придти соблазнам; но горе тому человеку, через которого соблазн приходит» (Мф. 18: 6–7).

В безмерной гордыне (не оказавших ему должных почестей Дракула казнит), в посягательстве на власть, присущую Богу, в наслаждении страданиями других, в отсутствии милосердия герой подобен дьяволу: его прозвище, трактуемое автором повести как ‘дьявол’, соответствует его сущности и поступкам. Жестокости, творимые валашским правителем, очевидно, истолковываются книжником как следствие извращенного представления о правах и обязанностях власти, как результат подмены Бога как высшего начала дьяволом. Поэтому к Дракуле и прилагается определение, традиционно относившееся к еретикам. Стирание границ между божественным и дьявольским есть род ереси.

Правда, однокоренное к *злогоудрыи/зломудрыи* составное прилагательное *злогоудрънии* употреблялось не только в значении

‘рассуждающий, мыслящий ложно, в противоречии с догматами веры’, но и в более узком значении, описываемом как ‘злонамеренный’ [19, с. 418] или ‘изощренный в злобе, злокозненный, хитрый’ [20, с. 26], а существительное *зломодурьк* имело смысл не только ‘ложное рассуждение, учение, противоречащее догматам веры’, но и ‘злой замысел’ [19, с. 417]. Употребление в тексте «Повести о Дракуле» наречия меры и степени *толико* как будто бы более уместно в одном словосочетании с прилагательным *зломудр* именно в последнем значении, поскольку ересь в отличие от злонамеренности и хитрости не предполагает степеней и градаций. Однако поступки Дракулы отнюдь не всегда являются злокозненными и хитрыми. Но они представляют собой именно выражение извращенного ума.

Таким образом, анализ семантики, присущей слову *зломудр* – определению Дракулы свидетельствует об однозначно негативном отношении автора к своему герою. Оригинальность «Повести» заключается не в неоднозначной оценке персонажа, а в отсутствии интерпретации его конкретных поступков: читатель должен сам истолковать их, соотнеся с общей характеристикой Дракулы в начале произведения. Интересно, что как раз на рубеже XV–XVI веков, примерно в то самое время, когда была написана «Повесть о Дракуле», «Пандекты» Никона Черногорца, в которых этой лексемой характеризуются еретики, стали предметом внимательного изучения со стороны древнерусских книжников – православных полемистов Иосифа Волоцкого и Вассиана Патрикеева [1, с. 146; 10, с. 241]. Использование автором «Повести о Дракуле» лексемы, традиционно прилагаемой к еретикам, является одним из аргументов против идеи А.А. Исакова и В.Ю. Неупокоевой [6], обнаруживающих этом памятнике отражение идей русских религиозных вольнодумцев конца XV столетия.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Архангельский А.С.* К изучению древнерусской литературы: очерки и исследования А.С. Архангельского. Творения отцов

- церкви в древнерусской письменности. – СПб.: Типография В.С. Балашева, 1888. – 146 с.
2. Библиотека литературы Древней Руси. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 2: XI–XII века. – 556 с.
 3. Библиотека литературы Древней Руси. – СПб.: Наука, 1999. – Т. 7: Вторая половина XV века. – 581 с.
 4. *Гинзбург К.* Верх и низ. Тема запретного знания в XVI–XVII веках // Гинзбург К. Мифы – эмблемы – приметы: морфология и история. Сб. ст. / пер. с итал. и послесл. С.Л. Козлова. – М.: Новое изд-во, 2004. – С.133–158.
 5. *Зимин А.А.* Иван Пересветов и его современники: очерки по истории русской общественно-политической мысли середины XVI века. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. – 498 с.
 6. *Исаков А.А., Неупокоева В.Ю.* Философские и социально-политические идеи русских еретиков конца XV века в «Сказании о Дракуле-воеводе» // Молодой ученый. 2015. № 2 (82). – С. 639–642.
 7. *Каравашкин А.В.* Литературный обычай Древней Руси. – М.: РОССПЭН, 2011. – 544 с.
 8. *Карамзин Н.М.* История государства Российского. 2-е изд., испр. – СПб.: Типография Н. Греча, 1819. – Т. 7. – 235+106 с.
 9. Кормчая Рязанская 1284 года. – Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург); Ф.п.П.1; URL: <https://kr.rusneb.ru/item/reader/kormchaya-serbskoj-redakcii>. Дата обращения: 11.05.2025.
 10. *Лурье Я.С.* Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV – начала XVI века / отв. ред. Д.С. Лихачев. – М.Л.: Изд-во АН СССР, 1960. – 532 с.
 11. *Лурье Я.С.* Литература в период образования единого Русского государства. Элементы Возрождения в русской литературе. Середина XV – XVI век // История русской литературы: в 4 т. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1980. – Т.1: Древнерусская литература. Литература XVIII века. – С.185–290.

12. Лурье Я.С. Русские современники Возрождения: книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. – Л.: Наука, Ленингр. отд, 1988. – 161 с.
13. Лурье Я.С., Григоренко А.Ю. Курицын Федор Васильевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. – Л.: Наука, 1988. – Вып. 2: (XIV – вторая половина XVI в.). – Ч. 1: А–К / отв. ред. Д.С. Лихачев. С. 504–510.
14. Одесский М. Явление вампира // Стокер Б. Дракула: [роман] / пер. с англ., примеч. Т. Красавченко. – М.: Энигма, 2007. – С. 7–56.
15. Повесть о Дракуле / исслед. и подгот. текстов Я.С. Лурье. – М.; Л.: Наука, 1964. – 213 с.
16. Ранчин А.М. «Повесть о Дракуле» и представление о добродетельном и «злом» государе в древнерусской книжности [начало] // Россия XXI. 2017. № 2. – С. 94–121.
17. Ранчин А.М. «Повесть о Дракуле» и представление о добродетельном и «злом» государе в древнерусской книжности [окончание] // Россия XXI. 2017. № 3. – С. 66–97.
18. Ранчин А.М. К вопросу об интерпретации древнерусской «Повести о Дракуле» // Литературоведческий журнал. 2024. № 2 (64). – С. 70–93.
19. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): в 10 / гл. ред. Р.И. Аванесов. – М.: Русский язык, 1990. – Т. 3: (добродетельно - изжечисл). – 511 с.
20. Словарь русского языка XI–XVII вв. – М.: Наука, 1979. – Вып. 6: (ЗИПУНЪ – ИЯНУАРИЙ) / гл. ред. С.Г. Бархударов. – 360 с.
21. Талмазан О. Авторский вымысел в «Сказании о Дракуле воеводе» // Философский полилог: международный центр изучения русской философии. 2018. Вып. 3. – С. 151–176.
22. Талмазан О. Притча о двух монахах в «Сказании о Дракуле воеводе» // Идентичность на перекрестке культур: язык, литература, образование: сб. научных статей / отв. ред. и сост. Н. Иванич. – СПб.: Алетейя, 2023. – С. 41–52.

23. Ужанков А.Н. Лекция 15. Сказание о Дракуле Воеводе. Повесть о Дмитрие Басарге // URL: <https://get-tune.cc/song/5209829-a.n.-uzhankov/63991259-lekciya-15.-skazanie-odrakule-voevode.-povest-o-dmitrii-basarge/>. Дата обращения: 12.01.2017.
24. [Шевырев С.П.] История русской словесности. Лекции Степана Шевырева, ординарного академика и профессора. – М.: Типография Бахметева, 1860. – Часть четвертая, содержащая XV-е столетие и начало XVI-го. – 198 с.
25. Юсим М.А. Макиавелли. Мораль, политика, фортуна: Этика Макиавелли в России. – М.: Канон+, 2011. – 669 с.
26. Остроўзка Библия / опрацював та приготував до друку ерм. архимандрит др. Рафаїл (Роман Турконяк). – Київ; Львів: Українське Біблійне товариство; Благодійний фонд «Книга», 2006. – 1957 с.

REFERENCES

1. [Arhangel'skij A.S.] K izucheniyu drevnerusskoj literatury: Ocherki i issledovaniya A.S. Arhangel'skogo. Tvoreniya otcov cerkvi v drevnerusskoj pis'mennosti. – SPb.: Tipografiya V.S. Balasheva, 1888. – 146 s.
2. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. – SPb.: Nauka, 1999. – T.2: XI–XII veka. – 556 s.
3. Biblioteka literatury Drevnej Rusi. – SPb.: Nauka, 1999. – T.7: Vtoraya polovina XV veka. – 581 s.
4. Ginzburg K. Verh i niz. Tema zapretnogo znaniya v XVI–XVII vekah // Ginzburg K. Mify – emblemy – primety: Morfologiya i istoriya. Sb. st. / per. s ital. i poslesl. S.L. Kozlova. – M.: Novoe izd-vo, 2004. – S.133–158.
5. Zimin A.A. Ivan Peresvetov i ego sovremenniki: ocherki po istorii russkoj obshchestvenno-politicheskoy mysli serediny XVI veka. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1958. – 498 s.
6. Isakov A.A., Neupokoeva V.Yu. Filosofskie i social'no-politicheskie idei russkih eretikov konca XV veka v «Skazanii o Drakule-voevode» // Molodoj uchenyj. 2015. № 2 (82). – S. 639–642.

7. *Karavashkin A.V.* Literaturnyj obyčaj Drevnej Rusi. – M.: ROSSPEN, 2011. – 544 s.
8. *Karamzin N.M.* Istoriya gosudarstva Rossijskogo. 2-e izd., ispr. – SPb.: Tipografiya N. Grecha, 1819. T.7. – 235+106 s.
9. Kormchaya Ryazanskaya 1284 goda. – Rossijskaya nacional'naya biblioteka (Sankt-Peterburg); F.p.II.1; URL: <https://kp.rusneb.ru/item/reader/kormchaya-serbskoy-redakcii>. Data obrashcheniya: 11.05.2025.
10. *Lur'e Ya.S.* Ideologicheskaya bor'ba v russkoj publicistike konca XV – nachala XVI veka / otv. red. D.S. Lihachev. – M.L.: Izd-vo AN SSSR, 1960. – 532 s.
11. *Lur'e Ya.S.* Literatura v period obrazovaniya edinogo Russkogo gosudarstva. Elementy Vozrozhdeniya v russkoj literature. Seredina XV – XVI vek // Istoriya russkoj literatury: v 4 t. – L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1980. – T.1: Drevnerusskaya literatura. Literatura XVIII veka. – S.185–290.
12. *Lur'e Ya.S.* Russkie sovremenniki Vozrozhdeniya: Knigopisec Efrosin. D'yak Fedor Kuricyn. – L.: Nauka, Leningr. otd, 1988. – 161 s.
13. *Lur'e Ya.C., Grigorenko A.Yu.* Kuricyn Fedor Vasil'evich // Slovar' knizhnikov I knizhnosti Drevnej Rusi. – L.: Nauka, 1988. – Vyp.2 (XIV – vtoraya polovina XVI v.). Ch.1: A–K / otv. red. D.S.Lihachev. S. 504–510.
14. *Odesskij M.* Yavlenie vampira // Stoker B. Drakula: [roman] / per. s angl., primech. T. Krasavchenko. – M.: Enigma, 2007. – S.7–56.
15. Povest' o Drakule / issled. i podgot. tekstov Ya.S. Lur'e. – M.; L.: Nauka, 1964. – 213 s.
16. *Ranchin A.M.* «Povest' o Drakule» i predstavlenie o dobrodetel'nom i «zlom» gosudare v drevnerusskoj knizhnosti [nachalo] // Rossiya XXI. 2017. № 2. – S. 94–121.
17. *Ranchin A.M.* «Povest' o Drakule» i predstavlenie o dobrodetel'nom i «zlom» gosudare v drevnerusskoj knizhnosti [okonchanie] // Rossiya XXI. 2017. № 3. – S. 66–97.
18. *Ranchin A.M.* K voprosu ob interpretacii drevnerusskoj «Povesti o Drakule» // Literaturovedcheskij zhurnal. 2024. № 2(64). – S. 70–93.

19. Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.): v 10 / gl. red. R.I. Avanesov. – M.: Russkij yazyk, 1990. – T. 3: (dobrodtel'no - izzhechisA). – 511 s.
20. Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv. – M.: Nauka, 1979. – Vyp. 6: (ZIPUN" – IYANUARIJ) / gl. red. S.G. Barhudarov. – 360 s.
21. *Talmazan O.* Avtorskij vymysel v «Skazanii o Drakule voevode» // Filosofskij polilog: mezhdunarodnyj centr izucheniya russkoj filosofii. 2018. Vyp. 3. – S. 151–176.
22. *Talmazan O.* Pritcha o dvuh monahah v «Skazanii o Drakule voevode» // Identichnost' na perekrestke kul'tur: yazyk, literatura, obrazovanie: sb. nauchnyh statej / otv. red. i sost. N. Ivanich. – SPb.: Aletejya, 2023. – S. 41–52.
23. *Uzhankov A.N.* Lekciya 15. Skazanie o Drakule Voevode. Povest' o Dmitrii Basarge // URL: <https://get-tune.cc/song/5209829-a.n.-uzhankov/63991259-lekciya-15.-skazanie-odrakule-voevode.-povest-o-dmitrii-basarge/>. Data obrashcheniya: 12.01.2017.
24. [*Shevyrev S.P.*] Istoriya russkoj slovesnosti. Lekcii Stepana Shevyreva, ordinarnogo akademika i professora. – M.: Tipografiya Bahmeteva, 1860. – Chast' chetvertaya, sodержashchaya XV-e stoletie i nachalo XVI-go. – 198 s.
25. *Yusim M.A.* Makiavelli. Moral', politika, fortuna: Etika Makiavelli v Rossii. – M.: Kanon+, 2011. 669 s.
26. Ostroz'ka Bibliya / opracyuvav ta prigotoviv do druku erm. arhimandrit dr. Rafaïl (Roman Turkonyak). – Kiïv; L'viv: Ukraïn'ske Biblijne tovaristvo; Blagodijnij fond «Kniga», 2006. – 1957 s.

ՀԵՂԻՆԱԿԻ ԴԻՐՔՈՐՈՇՄԱՆ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՁ «ԴՐԱԿՈՒԼԱՅԻ ՊԱՏՄՈՒԹՅՈՒՆԸ» ԳՐՔՈՒՄ. ԻՆՉ Է ՆՇԱՆԱԿՈՒՄ ՉԱՐ ԻՄԱՍՏՈՒՆԸ

Ա. Մ. ՌԱՆԶԻՆ

Լոնոնոսովի անվան Մոսկվայի պետական համալսարան / ռուսական գիտությունների ակադեմիայի հասարակական գիտությունների գիտական տեղեկատվության ինստիտուտ

Հոդվածում քննարկվում է հեղինակի դիրքորոշումը հին ռուսական գրականության ամենաօրիգինալ և խորհրդավոր հուշարձաններից մեկում՝ «Դրակուլայի պատմությունը» (15-րդ դարի վերջ), որը նվիրված է հայտնի վալախյան կառավարչին: Հեղինակի վերաբերմունքը հերոսի նկատմամբ գիտնականների կողմից մեկնաբանվել է տարբեր ձևերով՝ որպես անվիճելի դատապարտում, որպես երկիմաստ գնահատական, որպես ներողություն: Ուշադրության կենտրոնում է վալախյան կառավարչի չարամիտ սահմանումը: Ապացուցված է, որ այս լեքսեման՝ հունարենից վերցված հետք է, որը ավանդաբար բնութագրում է հերետիկոսներին, ցույց է տալիս մտքի այլասերվածությունը, Դրակուլայի արարքների դիվային բնույթը: Նրա գործողությունները հիմնված են հպարտության, դաժանությամբ հարբածության և ամեն ինչ ու բոլորին իր իշխանությանը ենթարկելու ցանկության վրա: Հեղինակի գնահատականը «Պատմության» հերոսի վերաբերյալ պետք է ճանաչվի որպես միանշանակ բացասական:

Բանալի բառեր՝ «Դրակուլայի պատմությունը», հեղինակի դիրքորոշումը, հերոսի կերպարը, Դրակուլայի «չար իմաստությունը» և հերետիկոսները:

ON THE QUESTION OF THE AUTHOR'S POSITION IN “THE TALE OF DRACULA”: WHAT DOES *EVIL-WISE* MEAN?**A. M. RANCHIN****Lomonosov moscow state university
/institute of scientific information for social sciences of the russian
academy of sciences**

The article examines the author's position in one of the most original and mysterious monuments of Old Russian literature – “The Tale of Dracula” (late 15th century), dedicated to the famous Wallachian ruler. The author's attitude to the hero has been interpreted by scholars in different ways: as an indisputable condemnation, as an ambiguous assessment, as an apology. The focus is on the definition of the Wallachian ruler as evil-minded. It is proven that this lexeme - a tracing from Greek, traditionally characterizing heretics – indicates the perversion of the mind, the devilish nature of Dracula's deeds. His actions are based on pride, intoxication with cruelty and the desire to subjugate everything and everyone to his power. The author's assessment of the hero of the “Tale” should be recognized as unequivocally negative.

Key words: “*The Tale of Dracula*”, the author's position, the image of the hero, Dracula's “evil wisdom” and heretics.

Информация о статье: статья поступила в редакцию 19 мая 2025 г., подписана к печати в № 1.CXX (120).2025 30.06.2025.